

Р. Стягел

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АНТАГОНИЗМА МЕЖДУ ИМПЕРАТИВАМИ РОСТА И УСТОЙЧИВОСТИ*

В статье анализируется текущий кризис глобальной индустриальной цивилизации, остроту которого автор связывает с совпадением тенденций экономического и экологического кризисов. Методологическим основанием статьи послужили выделенные Ю. Хабермасом четыре типа общественной формации. Принимаются во внимание также различия между типами кризисов, которые могут возникнуть в рамках этих социальных формаций в соответствии с их внутренними организационными принципами и степенью их социальной и системной интеграции.

Автор статьи обосновывает тезис о том, что распространенной причиной экономических и экологических кризисов, как составляющих системного кризиса индустриальной цивилизации, является императив роста. Этот императив, как указывает Ю. Хабермас, выступает имманентным принципом институтов и систем капитализма. В то же время все типы общественной формации, как и все разновидности учреждений и цивилизаций, определяются императивом устойчивости. Таким образом, в нынешнем кризисе выражается антагонизм между императивом роста и императивом устойчивости. Этот антагонизм создает новую разновидность конфликта в государствах, которые достигают экологических и экономических пределов роста. Такие конфликты, в результате которых возникает нехватка воды и продуктов питания, могут привести к растущей нестабильности в мире или к краху индустриальной цивилизации. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: экономический кризис, экологический кризис, индустриальная цивилизация, общественные формации, Ю. Хабермас, типы кризиса.

Richard Stahel

CRISIS OF GLOBAL CIVILIZATION AS A DISPLAY OF ANTAGONISM BETWEEN THE IMPERATIVES OF GROWTH AND SUSTAINABILITY

This paper analyzes the current crisis of the global industrial civilization as a coincidence of external and internal reasons, mainly as a coincidence of economic and environmental crises tendencies. The analysis is based on Habermas's distinction between four types of social formation and according to their internal organizational principles and an extent of their social and system integration also differentiates the types of crises that can occur in the given type of the social formation. The author of the paper shows that the common reason of economic and environmental crises which are a part of system crisis of industrial civilization is an imperative of growth. This imperative, as Habermas points out, is the immanent principle of institutions and systems of capitalism. But all types of social formation, institutions and civilizations are also determined by the imperative of sustainability. The current crisis is then characterized as a display of antagonism between the imperative of growth and imperative of sustainability. This antagonism creates a new category of conflicts in states that reach environmental and economic limits of growth. These conflicts result from food and water shortages and could bring a growing instability into the world or lead to the collapse of the industrial civilization. Refs 17.

Keywords: the economic crisis, the ecological crisis, industrial civilization, social formations, Y. Habermas, types of crisis.

Экономический кризис 2007–2008 гг. — четвертый большой кризис за последние два века. Очевидно, что это не только экономический кризис (или, в связи с последовавшими социальным и политическим кризисами, не только кризис

Richard Stahel — Ph.D., Университет им. Константина Философа, Словакия, Trieda Andreja Hlinku 1, 949 74 Nitra; rstahel@ukf.sk

Richard Stahel — Ph.D., Head of the Department of Philosophy, Faculty of Arts of Constantine the Philosopher University, Trieda Andreja Hlinku 1, 949 74 Nitra, Slovakia; rstahel@ukf.sk

* Перевод с английского Л. В. Цыпиной.

капитализма) — это также кризис индустриальной цивилизации. Кризис означает ситуацию, в которой ясно, что существующие институты и вырабатываемые ими подходы к решению проблем не оправдывают ожиданий. И еще это ситуация, требующая незамедлительных решений.

В самом деле, индустриальная цивилизация является первой глобальной цивилизацией: во-первых, из-за повсеместного применения некоторых теоретических и технологических принципов ко всем сферам жизни и воспроизводства общества, во-вторых, благодаря последствиям применения этих принципов, положительным или отрицательным¹. Таким образом, текущий кризис — единственный в своем роде не только из-за повсеместного распространения, но также из-за углубления материального, продовольственного и экономического кризисов. Размышляя о причинах и возможных последствиях кризиса глобальной индустриальной цивилизации, мы должны учитывать все указанные аспекты и обращать внимание на их взаимную обусловленность и совместное действие. Такой подход позволяет рассматривать текущий кризис как системный кризис индустриальной цивилизации, а экономический, социальный, демографический, продовольственный и экологический кризисы трактовать как индивидуальные проявления или аспекты этого системного кризиса.

Теория кризиса Ю. Хабермаса. В начале 1970-х годов Ю. Хабермас предложил теорию кризиса, которую можно положить в основание анализа текущего кризиса. Как напоминает Р. Планта, «легитимация кризиса — это исследовательская программа, а не окончательный отчет» [1, р. 346]. Это замечание делает возможным применение хабермасовского подхода к анализу текущего кризиса. Согласно Хабермасу, «только когда члены общества переживают структурные изменения как критические по отношению к состоянию системы и ощущают угрозу своей социальной идентичности, мы можем говорить о кризисе» [2, р. 3]. Философ подчеркивает, что «кризисные процессы обязаны своей объективностью тому обстоятельству, что они возникают из неразрешенных проблем управления» [2, р. 4]. Хабермас предлагает различать «четыре общественные формации: предшествующую стадии высоких культур (*vorhochkulturelle*), традиционную, капиталистическую, посткапиталистическую» [2, р. 17]. Каждая из них сталкивается с различными проблемами управления, и неспособность справиться с ними или разрешить их может привести к кризису.

В соответствии с определяющим принципом организации общества и степенью социальной и системной интеграции в данном типе социальной формации² Хабермас различает типы кризиса, которые могут возникнуть. Архаическая общественная формация, предшествующая стадии высокоразвитых культур, сталкивается с кризисами, вызванными по преимуществу внешними изменениями, потому

---

¹ Законность термина «индустриальная цивилизация» вытекает из того факта, что именно индустриальная технология и организация впервые в истории человечества позволили в конце XX столетия более чем половине населения земного шара проживать в городах. Жизнь в городах, индустриальное производство и распределение продуктов и услуг в таком объеме создали беспрецедентные экономические, социальные, политические и экологические проблемы, которые очень похожи, если не тождественны, во всех частях света.

² В другой работе первой половины 1970-х годов Хабермас классифицирует общества в соответствии с уровнем социальной интеграции. Он выделяет неолитические общества, архаические цивилизации и развитые досовременные общества [3, р. 295].

что, как полагает Хабермас, данный принцип организации общества не порождает никаких противоречивых императивов. По этой причине «обстоятельствами, которые становятся чрезмерными для узко ограниченных возможностей управления обществами... становятся демографический рост, связанный с экологическими факторами, и межэтническая зависимость» [2, р. 18]. Другие социальные формации, возникшие на высококультурной стадии развития, сталкиваются с кризисами, «обусловленными внутренними противоречиями» [2, р. 20]. Согласно Хабермасу, «в традиционных обществах кризисы возникают тогда и только тогда, когда проблемы управления не могут быть разрешены в пределах заданных принципом организации пространства возможностей, а потому ставят под угрозу системную интеграцию» [2, р. 25]. В либерально-капиталистических обществах кризисы, напротив, имеют повсеместный характер, они одновременно неотложны и циклически, «поскольку вовремя неразрешенные проблемы управления, которые более или менее регулярно вызываются процессом экономического роста, сами по себе угрожают социальной интеграции» [2, р. 25]. Кризисы начинаются в экономической сфере и связаны с ее ростом, который они сопровождают в качестве нежелательных последствий. «Экономический рост происходит через периодически повторяющиеся кризисы, потому что заложенная в экономической системе управления классовая структура превращает противоречие классовых интересов в противоречие системных императивов» [2, р. 26]. Эти кризисы являются следствием противоречий в системе императивов, которые не могут быть структурно разрешены, потому что их источником является сама общественная структура, организованная на основе определенного типа рациональности.

Общество организованного, или развитого, капитализма возникло после Второй мировой войны как реакция на провал либерального капитализма во время кризиса 30-х годов, который привел к конфликту мирового масштаба. Согласно Хабермасу, «интервенционистское государство вторгается во всё увеличивающиеся функциональные зазоры рынка» [2, р. 33] таким образом, что ослабляет конфликтный потенциал системного императива, усиленного острыми кризисами. Попытка политической сферы ослабить конфликтный потенциал циклического кризиса возникает в результате нерегулируемого экономического роста. Следствием такой попытки является не только увеличение влияния политической системы на экономическую, но и передача рычагов управления из экономической сферы в политическую. «В послевоенные десятилетия развитым капиталистическим странам удалось удержать классовый конфликт в латентном состоянии (несмотря на парижские события мая 1968 г.); растянуть во времени конъюнктурный цикл, а периодические сдвиги в обесценивании капитала превратить в долгосрочный инфляционный кризис с мягкими колебаниями конъюнктуры» [2, р. 38]. Государство берет на себя роль участника и регулятора рынка, одновременно компенсируя его негативные социальные, культурные, а позднее также экологические последствия таким образом, чтобы не допустить возникновения острого кризиса. Цена, которую мы за это платим, — систематический перегруз государственных бюджетов в форме долговременных дефицитов.

Кроме того, в 1970-е годы западные страны испытывали острый кризис, вызванный перебоями в поставках нефти, т.е. порожденный внешними причинами. Таким образом, страны Западной Европы столкнулись с различными типами

кризиса, к которым их общественные институты были подготовлены. В то же время Хабермас замечает: «Если государственное антикризисное управление дает сбой, оно отбрасывается назад за им же установленные программные притязания, платой за что становится потеря легитимности, вследствие чего свобода действий крайне ограничивается именно в те моменты, когда ее, напротив, следовало бы расширить» [2, р. 69]. При этом представляется, что различий между кризисами, вызванными внешними или внутренними причинами, нет. В их результате значительно страдает как благонадежность государственных институтов, обеспечивающих защиту от кризиса, так и легитимность политических элит или систем. Как утверждает Хабермас, одним из условий послевоенного классового компромисса был «гражданско-государственный приватизм — политическая воздержанность в соединении с карьерной, потребительской ориентацией, а также с ориентацией на досуг, что способствовало ожиданию системно-конформных компенсаций (в виде денег, свободного от работы времени и безопасности)» [2, р. 37]. К концу 1970-х годов стало очевидно, что государство вновь, как ранее в предвоенный период, не может гарантировать каждому занятость и возможность карьеры, и оно, безусловно, не способно обеспечить постоянный рост потребления. Как напоминает нам Р. Планта, «капитализм выстроил систему потребительских ожиданий, которые увеличивали давление на правительства, с тем чтобы направлять экономику к производству всё большего количества товаров. Необеспеченность этих ожиданий товарами вылилась в дисфункцию рынка, коррекция которой стала задачей государства» [1, р. 343] Но правительства должны вмешиваться и тогда, когда производство растет быстрее, чем способность потребить произведенные товары. Поддержка консюмеризма, независимо от его социальных, культурных и экологических последствий, — это проблема производителей в той же мере, что и государства.

Возвращение острого кризиса. Процесс экономической глобализации может быть понят как попытка поддержать дальнейший рост производства и потребления, который был ограничен нехваткой ресурсов и возможностями национальных рынков. Результат глобализации [4] трех предшествующих десятилетий в индустриально развитых странах был выражен в форме либерализации и приватизации не только производственных мощностей, но и сферы обслуживания. Следовательно, мы можем говорить о прогрессирующем снижении роли социального государства [5]. Была ликвидирована значительная часть механизмов регулирования, призванных предотвратить возникновение острых кризисов или уменьшить их возможные последствия. Для описания социальной формации современной индустриальной цивилизации уместней воспользоваться хабермасовской характеристикой классического либерального капитализма, чем характеристикой так называемого позднего, или организованного, капитализма 1970-х.

Острый экономический кризис возвращается в 1990-е годы в процессе либерализации и децентрализации экономико-политической системы, что соответствует хабермасовской характеристике кризиса, воздействующего на либеральный капитализм. «Экономический кризис следует из противоречивых императивов системы и несет угрозу системной интеграции; одновременно он является и социальным кризисом, в котором сталкиваются интересы действующих групп и ставится под вопрос социальная интеграция общества» [2, р. 29–30]. Эти слова применимы также к кризису 2008 г. Во время эйфории 1989 г. Хабермас предостерегал, что падение

Берлинской стены не разрешит ни одной из системных проблем, которые оно порождает. Хабермас утверждал: «Нечувствительность системы рыночного хозяйства к внешним для нее расходам, сваливаемым на социальную и природную окружающую среду, у нас по-прежнему окаймляет тропы кризисного экономического роста известными диспропорциями и маргинализацией внутри страны, экономической отсталостью и даже попятным развитием, а значит — и варварскими жизненными условиями, экспроприацией культуры и катастрофическим голодом в Третьем мире, и не в последнюю очередь — глобальным риском перегрузки Природного хозяйства» [6, p. 17]. Двумя десятилетиями позднее, описывая кризис 2008 г., он подчеркивает его историческую уникальность: «Осенью 2008 г. впервые в истории капитализма каркас развивающейся под воздействием рынка глобальной финансово-экономической системы оказался на грани коллапса и мог быть спасен только предоставлением гарантий налогоплательщикам» [7, p. 125]. Согласно Хабермасу, становится очевидным, что «капитализм более не способен воспроизводить себя собственными силами» [7, p. 125], поэтому можно говорить о «провале системы». Современные структуры управления не могут справиться с последствиями экономического роста, хотя делают для этого всё возможное. Именно это Хабермас в 1970-е годы назвал кризисными тенденциями позднего капитализма.

Нехватка ресурсов роста стала очевидной еще до 2008 г. По утверждению П. Станека, рост производства, потребления и доходов в значительной степени был возможен только благодаря росту задолженности индивидов, фирм и стран. Эта задолженность — одна из главных причин текущего экономического кризиса [8, s. 36]. Задолженность как один из побочных продуктов поляризации доходов возростала с 1970-х годов. Доходы большей части населения стагнировали или даже уменьшались, тогда как доходы наиболее богатых возрастали. Это привело, помимо роста социальной напряженности, к глобальному сокращению потребления, которое могло быть насыщено в краткие сроки только с помощью кредитной экспансии [8, s. 61–62]. Несмотря на этот факт, многочисленные попытки преодолеть текущий кризис фокусировались на стимулировании потребления. Попытки правительств спасти финансовую систему и поддержать потребление привели только к резкому росту национального долга. С одной стороны, правительства пытались убедить граждан в необходимости экономии, что легитимировало устранение институтов социального государства. С другой стороны, они побуждали граждан не ограничивать уровень потребления и продолжать покупать все виды товаров и услуг. Таким образом, усугубился один из главных системных конфликтов.

Экологический аспект кризиса. Искусственно стимулируемое потребление означает также возрастающую эксплуатацию природных ресурсов и загрязнение окружающей среды, что усиливает экологический аспект кризиса. Сегодня даже экономисты допускают, что экономический ущерб, вызванный климатическими изменениями, наряду с расходами на адаптацию инфраструктуры к этим изменениям, будет усиливать экономические, социальные и политические аспекты кризиса [8, s. 64–65]. По утверждению Хабермаса, кризис угрожает идентичности социальной формации. Данное утверждение может быть принято, если оно применяется главным образом к экономическим, социальным и политическим аспектам текущего кризиса, т. е. к тем аспектам, которые считаются внутренними. Но такой подход не принимает во внимание экзистенциальную угрозу для цивилизации

в целом. Эта угроза будет осознана в полной мере, когда рассуждение о глобальной индустриальной цивилизации охватит материальные, продовольственные и экологические аспекты, т. е. аспекты, причины которых считаются внешними. Хабермас рассматривает их как релевантные преимущественно для архаических обществ, но в то же время отождествляет их с возможными последствиями проблем роста.

Экологические и демографические угрозы создают такие типы кризиса, с которыми сталкиваются только архаические или традиционные социальные формации, говорит Хабермас, имея в виду аграрные общества. Капиталистические общества бывают индустриальными и городскими. В прошлом столетии экологические проблемы игнорировались или частично разрешались посредством технологического развития или перенесения экологически небезопасных производств и экспорта отходов на удаленные территории. Следующие за этим демографические и социальные проблемы разрешались посредством массовых перемещений, нехватка земли и пищи компенсировались с помощью территориальной, преимущественно колониальной³, экспансии, а также с помощью бизнеса, который финансировал развитие технологий перевозки и хранения, позволяющих импортировать пищу и другие ресурсы из различных частей света⁴. Но этот процесс только отсрочил — во времени и пространстве — осознание того, что экологические и демографические кризисные тенденции угрожают также обществам индустриальной цивилизации и обладают таким же конфликтным потенциалом, как и другие типы угроз⁵.

Все аспекты текущего кризиса обладают конфликтным потенциалом, который не раз проявлялся в прошлом. Рост населения и изменения климата свидетельствуют о том, что этот потенциал возрос. Как пишет С. Сян, «если следующие поколения будут действовать подобно прошлым, то антропогенные климатические

---

³ Следуя Т.Р.Мальтусу [9], Дж. Ст. Милль уже в первой половине XIX в. утверждал, что из-за роста населения и необходимости кормить его Великобритания «больше не зависит только от плодородия собственных почв... но от почв всего мира... и если наше население и капитал продолжают расти с текущей скоростью, единственным способом обеспечения одних дешевым продовольствием является отправка других за границу для его производства» [10, р. 114–115]. Не каждая европейская страна может разрешить эти проблемы путем «экспорта бедных» в колонии, чтобы обеспечить импорт продовольствия и других ресурсов оттуда. В связи с этим необходимо отметить, что фашистские движения в Италии и Германии приобрели массовую поддержку вскоре после того, как США в начале 1920-х годов ограничили иммиграцию, вследствие чего социальная напряженность не могла быть снижена путем эмиграции.

⁴ Торговля ускоряет процессы разделения труда и углубления социальных различий, но также позволяет человеку как биологическому виду обходить ограничения, поставленные климатическими условиями и материальными ресурсами.

⁵ В ряде регионов эти угрозы имели особые последствия. Одной из главных причин революций и конфликтов в Северной Африке и на Ближнем Востоке являлся рост населения, вызвавший предельное потребление сырьевых ресурсов и последовавшую неспособность этих стран обеспечить население пищей и питьевой водой из собственных ресурсов. Ярче всего это проявилось в Египте, самом крупном импортере пшеницы в мире. Ситуация ухудшилась, когда Россия в 2010 г. из-за засухи и пожаров приостановила экспорт пшеницы и цены на нее выросли настолько, что протесты против роста цен разгорелись не только в Египте, но и в других странах региона, зависимых от этих поставок. Эти протесты дестабилизировали весь регион и во многих местах переросли в настоящую войну всех против всех. Последовавшая за этим смена режима в Египте не улучшила ситуацию, потому что уменьшились производство и продажа нефти, доходы от которых позволяли приобретать пшеницу, следовательно, протесты продолжились. С 2010 г. Египет потратил большую часть своего золотовалютного резерва на импорт пшеницы, которую не может выращивать сам в силу климатических условий [11].

изменения существенно увеличат количество конфликтов, по сравнению с миром до климатических изменений» [12]. Климатические изменения, порожденные индустриальной цивилизацией, очень вероятно будут более быстрыми и интенсивными, чем в прошлом. Экологический кризис, вызванный изменениями климата или другой причиной, в первую очередь выразится в продовольственном или гуманитарном кризисе⁶ и может довольно быстро перейти в социальный или политический кризис. Ясно, что коллапс социальной системы может произойти не только в силу внутренних конфликтов или конфликтов системных императивов, но и в силу внешних кризисов, а также их сочетаний.

Нехватка ресурсов в сочетании с изменениями климата, вполне вероятно, положит конец эпохе экономического роста, а вместе с ней — социетальному классовому компромиссу внутри сообществ и международному равновесию. Согласно А. Палаццо, знаки «эпохи ограниченных ресурсов уже заметны. Эта эпоха чревата не только новыми типами борьбы за ограниченные ресурсы, но и новой Военной революцией. Необходимо подготовиться к наступлению эпохи вражды, для которой война является обычным делом» [13]. Палаццо не спрашивает, будут ли наступающая «революция ограничений» и климатические изменения влиять на экономические и политические системы. Он ставит вопрос о том, как эти системы будут справляться с ними на теоретическом и практическом уровнях.

Хабермасовское понятие кризиса может быть, таким образом, применено к экологическому кризису. Последний также может быть рассмотрен как следствие конфликтующих системных императивов, угрожающих системной интеграции. Интересы социальных групп сталкиваются, что чревата не только дезинтеграцией общества, но и утратой самой способности к его воспроизводству, не только на уровне экономической, политической и культурной систем, но и на биологическом уровне.

Императив роста vs границы роста. Говоря об императиве роста в капиталистических социальных формациях, Хабермас утверждал в 1970-е годы, что «экологическое равновесие определяет абсолютную границу роста» [2, р. 41]. Многие обстоятельства наводят на мысль, что одной из причин текущего кризиса является то, что рост населения и продуктивности производства достигают этой абсолютной границы роста. Хабермас подчеркивает: «Сложившиеся механизмы роста вызывают рост населения и увеличение производства во всемирном масштабе» [2, р. 41]. В то же время «капиталистические общества не могут следовать императивам ограничений роста, не отказываясь от своего принципа организации» [2, р. 42]. Отказ от ограничений роста угрожает не только идентичности этих обществ и формам социальной интеграции (организованной массовой лояльности), но и основным внешним требованиям системного воспроизводства, а возможно, даже жизни человеческого сообщества и человечества как биологического вида.

Хабермас полагает, что основной системный императив капитализма должен отличать эту формацию от традиционных и особенно архаических обществ, где

---

⁶ Первым следствием стихийных бедствий является потеря людьми своих домов. Истощение запасов питьевой воды и продовольственных резервов и потеря урожая наступают позже. Если правительство пострадавшей страны не способно справиться с гуманитарным кризисом вовремя, его последствия повлияют на стабильность социальной и политической системы. Управление кризисом в Пакистане после наводнения 2010 г. было недостаточно адекватным, что углубило политический кризис в стране. Реакция правительства Б. Обамы на последствия урагана Сэнди в 2012 г. повлияла на мнение электората при выборах президента США.

«системный повод для производства прибавочного продукта, который превосходил бы производство товаров, необходимых для удовлетворения первичных потребностей, отсутствует даже тогда, когда это уже позволяет состояние производительных сил» [2, p. 18]. Мы можем возразить, что отсутствие перепроизводства вызвано скорее низкой производительностью труда или доступных технологий и ограниченными возможностями сохранения произведенных продуктов. Гипотеза И. Дубнички содержит убедительный аргумент: перепроизводство есть первичная эволюционная стратегия *homo sapiens*, и, следовательно, «производство перепроизводства, его накопление и потребление есть главная причина глобального экологического кризиса» [14, s. 20]. Данная гипотеза подкрепляет тезис о том, что экологический кризис угрожает всем формам социальных формаций, прежде всего в связи с ростом населения, который, в свою очередь, приводит к росту производства и тем самым — к истощению природных ресурсов и загрязнению окружающей среды.

Рост населения — это ключевой фактор, с которым должна считаться любая социальная формация. Тысячи лет решением проблемы перенаселения была территориальная экспансия. По замечанию Д. Шмигулы, на протяжении большей части истории способность сохранять высокий репродуктивный потенциал являлась ключевой для выживания общества. Общества, которые в этом не преуспели, практически вымерли, поскольку не могли себя защитить [15, s. 42]. Рост населения оказывается экзистенциальным фактором. С другой стороны, рост населения вызывает необходимость территориальной экспансии как пути освоения необходимого для жизни и воспроизводства будущих поколений пространства.

Рост населения, усилившийся в период после наполеоновских войн, обычно называют демографическим взрывом. Его результаты были смягчены массовой эмиграцией и освоением новых земель, а также более интенсивной эксплуатацией всех видов возобновляемых и невозобновляемых ресурсов. Колонии возникали в силу того, что перенаселенная Европа нуждалась в продовольствии и территориях. Несмотря на это, из-за ресурсов происходили многочисленные конфликты, включая две мировые войны. Во второй половине XX столетия экологические последствия продолжающегося роста населения и усиливающейся эксплуатации планеты стали очевидными по обе стороны так называемого железного занавеса, и их уже невозможно было игнорировать или упрощать. Это означало также, что рост производства, производительности и населения является базовым системным императивом не только капитализма, но в конечном итоге — всех социальных формаций. При капитализме он всего лишь проявлен более интенсивно.

Инновации в производстве продовольствия, которые в XX в. привели к интенсификации и индустриализации сельского хозяйства, остаются по настоящее время единственной возможностью увеличить производство продовольствия, так как больше не осталось неиспользованных пахотных земель [11, s. 783]. Более того, из-за развития транспортной, городской и энергетической инфраструктур, а также вследствие эрозии, расширения пустынь, повышения уровня мирового океана количество пахотных земель уменьшается. Освоение новых земель посредством вырубки лесов отрицательно сказывается на круговороте воды в глобальной экосистеме и ее способности сохранять климат планеты. Как напоминает В. Цилек, «когда у нас закончатся земля и вода, никакая креативность не поможет» [11, s. 772]. В на-

стоящее время «сельское хозяйство использует 70–75% доступной пресной воды» [16, s.283] и «до десяти раз больше энергии, чем оно производит в форме продовольствия» [11, s.776]. В то же время это основной источник парникового эффекта, так что «влияние сельского хозяйства на климат сравнимо с использованием горючих ископаемых» [17, s.116]. Интенсификация и индустриализация сельскохозяйственного производства имеют столь разрушительный эффект на окружающую среду, что способность цивилизации производить продукты питания может в некоторых случаях оказаться существенно ограниченной или даже нереализуемой. Остается возможность увеличивать производство продовольствия в глобальном масштабе, но за счет биоразнообразия и качества окружающей среды, следовательно — за счет возможностей производства продовольствия в будущем.

Помимо роста населения и производства, базовым императивом любой социальной формации является безопасность ее собственного воспроизводства, биологического и культурного, включая воспроизводство экономико-политической системы. Для большей части субъектов и институтов — это как минимум способ сохранить существующие условия жизни. Борьба за выживание обнаруживается во всех типах социальных формаций и на всех уровнях их развития. Происхождение таких институтов, как кланы, племена, государства, может интерпретироваться как прямое следствие этой борьбы и как главная причина легитимации ее дальнейшего существования. Данный феномен можно описать как императив устойчивости. Даже рост можно понимать как стратегию реализации этого императива. Долгосрочная устойчивость основана на обнаружении угрозы на ранних этапах. Если такой угрозой является рост (населения, производства, потребления, загрязнения окружающей среды и т. п.), его ограничение может быть обоснованным ответом. Примерами предпочтения устойчивости росту являются клановая и племенная организация общества — с жесткой регуляцией роста населения, вызванной ограниченностью или бедностью места обитания. Территориальная и рыночная экспансия капитализма, напротив, полностью определяется императивом роста, превращая устойчивость в исключительно теоретический конструкт.

Тем не менее императив устойчивости имманентен развитию социальных и культурных институтов. Он находится в конфликте с императивом роста вследствие ограниченности ресурсов⁷ и возможностей окружающей среды справляться с побочным эффектом воспроизводства многочисленных сложных и энергоемких социальных формаций. Противоречие между императивами роста и устойчивости заложено во всех социальных формациях; на цивилизационном уровне развития это противоречие системных императивов усиливается. В глобальном обществе становится совершенно очевидным, что все прежние способы преодоления этого конфликта — территориальная экспансия, массовая эмиграция, глобальная торговля — не только не разрешают его, но и, напротив, углубляют.

---

⁷ Ресурсами выступают «сырье, энергия и условия жизни, являющиеся невозобновляемыми» [11, s.769]. Это включает питьевую воду, незагрязненный или хотя бы пригодный для дыхания воздух, место для жизни, труда и производства по крайней мере базового продовольствия и устойчивые климатические условия. Наличие этих ресурсов не может быть восстановлено даже с помощью потенциальных технологий, которые бы позволили добывать полезные ископаемые из межпланетного пространства и транспортировать их на Землю.

Выводы. Индустриальная цивилизация сталкивается с угрозами, которые приобретают характер кризисов, вызванных внутренними и внешними причинами. В настоящее время при совпадении глобального экологического и экономического кризисов можно говорить также о системном кризисе, угрожающем индустриальной цивилизации. Внутренними причинами кризисов являются системы производства и распределения, внешними — ограниченные ресурсы как условия производства. Попытки разрешить экономический и социальный кризис посредством увеличения производства усугубляют экологический кризис. Рост населения Земли приводит к росту производства продовольствия, что опять-таки углубляет экологический кризис. Его последствия, преимущественно в форме изменений климата, ставят под угрозу сохранение производства продовольствия на текущем уровне. Два системных императива — роста и устойчивости — сталкиваются. Это противоречие дополнительно усиливается за счет конфликтного потенциала прошлых кризисных тенденций, присутствующих в различных социальных формациях. Основным источником конфликтов является неравное распределение ограниченных ресурсов. Когда ресурсы истощаются, возможности производства окажутся под ударом, что еще более усугубит социальные и политические конфликты.

Литература

1. *Plant R.* Jürgen Habermas and the Idea of Legitimation Crisis // *European Journal of Political Research*. 1982. N 10. P.341–352.
2. *Habermas J.* Legitimation Crisis. 3rd ed. / transl. by T. McCarthy. London: Heinemann, 1980. 163 p.
3. *Habermas J.* Towards a Rekonstruktion of Historical Materialism // *Theory and Society*. 1975. Vol. 2, N 3. P.287–300.
4. *Štáhel R.* Global crisis and crisis of globalization // *European Journal of Transformation Studies*. 2013. N 1 (1). P.92–107.
5. *Štáhel R.* Globalization and the Crisis // *Philosophica 12: Towards a Political Philosophy* / ed. by K. Mitterpach, R. Štáhel. Nitra: UKF, 2013. P.45–56.
6. *Habermas J.* What Does Socialism Mean Today? The Rectifying Revolution and the Need for New Thinking on the Left // *New Left Review*. 1990. Vol. I/183. P.3–21.
7. *Habermas J.* The Crisis of the European Union / transl. by C. Cronin. Cambridge: Polity Press, 2012. 140 p.
8. *Staněk P.* Globálna kríza a jej systémové implikácie. Bratislava: Ekonomická univerzita, 2012. 100 s.
9. *Malthus T. R.* An Essay on the Principle of Population // *Electronic Scholarly Publishing*. URL: <http://www.esp.org/books/malthus/population/malthus.pdf> (дата обращения: 14.04.2003).
10. *Mill J. S.* Principles of Political Economy. Oxford: Oxford University Press, 1994. 450 p.
11. *Čilek V.* Suroviny a konec světa — od kolapsu k regeneraci // *Kolaps a regenerace: Cesty civilizací a kultur. Minulost, současnost a budoucnost komplexních společností* / M. Bárta, M. Kovář a kolektiv autoru. Praha: Academia, 2012. S. 767–786.
12. *Hsiang S. M.* et al. Quantifying the Influence of Climate on Human Conflict // *Science*. Vol. 341, No. 6151. URL: <http://dx.doi.org/10.1126/science.1235367> (дата обращения: 23.09.2013).
13. *Palazzo A.* The Military Revolution of Limits and the Changing Character of War // *Small Wars Journal*. October 21, 2013. URL: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/the-military-revolution-of-limits-and-the-changing-character-of-war> (дата обращения: 29.01.2014).
14. *Dubnička I.* Kultúra a environmentálna kríza. Nitra: UKF v Nitre, 2007. 486 s.
15. *Šmihula D.* Teória štátu a práva. Bratislava: Epos, 2010. 397 s.
16. *Bajer I.* Formovanie vodno-potravinovej bubliny // *Svet v bode obratu. Systémové alternatívy kapitalizmu — koncepcie, stratégie, utopia* / editori P. Dinuš, L. Hohoš. Bratislava: VEDA, 2011. S. 279–287.
17. *Lovelock J.* Mizející tvář Gaii. Poslední varování / přel. P. Královcová. Praha: Academia, 2012. 210 s.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2015 г.